

УДК 821.161.1.09.“18”

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОР И.С. ТУРГЕНЕВА С О. ДЕ БАЛЬЗАКОМ: РОМАНЫ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И «ЛИЛИЯ ДОЛИНЫ»

Евдокимова А.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1,

Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается характер художественной полемики И.С. Тургенева с романом «Лилия долины» О. де Бальзака, которая представлена в «Дворянском гнезде». В обоих текстах прослеживаются параллели на уровне сюжета, типов, отдельных образов, мотивов и метафор. Бальзак выразил в своём романе мысль о несостоятельности запретов и догм, наложенных христианским учением, поскольку эти запреты, по мнению писателя, делают людей несчастными. Тургенев, обратившись, во многом к близкому сюжету, наоборот, показал, что вне религиозного чувства нет человеческой личности. Любовь, которая возникает между Лизой Калитиной и Фёдором Лаврецким, развивается ввиду любви к Богу и к людям, а потому она не исчезает, но становится источником их внутренней силы.

Ключевые слова: Тургенев, Бальзак, религия, «Дворянское гнездо», «Лилия долины».

ART DISPUTE OF I. TURGENEV WITH H. DE BALZAC: NOVELS «NOBLE NEST» AND «THE LILY OF THE VALLEY»

A. Evdokimova

Moscow City University

4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article reveals the nature of art polemic of I. Turgenev with the novel «The Lily of the Valley» by H. de Balzac presented in «Noble Nest». In both texts, parallels can be traced at the level of a plot, types, separate images, motives, and metaphors. In his novel, Balzac has expressed a thought of insolvency of the bans and dogmas imposed by Christian teaching as these bans, according to the writer, make people unfortunate. Turgenev, addressing in many respects a similar plot, on the contrary, showed that without religious feeling there is no human person. The love which arises between Lisa Kalitina and Fedor Lavretsky develops in the view of love to God and to people, and therefore it doesn't disappear but becomes a source of their internal force.

Key words: Turgenev, Balzac, religion, «Noble Nest», «The Lily of the Valley».

Вопрос изучения взаимовлияния творчества И.С. Тургенева и французских романистов широко представлен в литературоведении работами М.П. Алек-

сеева, Н.П. Генераловой, Л.П. Гроссмана, Г.Б. Курляндской, М.Г. Ладарии и др. Однако в меньшей мере изученным остаётся аспект творческих параллелей Тургенева и О. де Бальзака, которого русский писатель откровенно не принимал как романиста, тогда уже признанного, отказывался переводить, хотя и имел в личной библиотеке издания повести «Холостяки» («*Les Cûlibataires*»), романов «Дом Нусингена» («*La maison Nucingen*»), «Шагреновая кожа» («*La Peau de Chagrin*») [1]. В тринадцатитомном собрании писем Тургенева упоминание о Бальзаке встречается семь раз, и это либо обращение к его имени среди прочих, либо краткая отрицательная характеристика.

Однако мы полагаем, что Тургенев испытывал к французскому писателю определённый интерес и отталкивался в своём творчестве от бальзаковских сюжетов и тем, полемизируя в своих сочинениях с его художественными решениями. Давно отмечено, что пьеса Тургенева «Месяц в деревне» (1850) опирается на сюжетную схему и систему образов «Мачехи» («*La Marâtre*», 1848) Бальзака [5]. Немалый интерес также представляют переклички между романом Бальзака «Лилия долины» [2] («*Le Lys dans la vallée*», 1836 [11]), вошедшем в «Человеческую комедию», и романом Тургенева «Дворянское гнездо» (1858): в обоих текстах обнаруживаются явные параллели в сюжетных ситуациях, мотивно-образной системе, особый интерес представляет тип главной героини, и даже отдельные значимые метафоры («лилия долины») требуют комментария. Между тем эти аспекты не привлекали внимания учёных.

Роман «Дворянское гнездо» был опубликован в журнале «Современник» в 1859 г., однако замысел произведения исследователи относят к 1856 г. Отметим, что в 1853 г. на сцене национального французского театра «Комеди Франсез» («*La Comédie Française*») в Париже с успехом была поставлена драма Теодора Баррьера «Лилия долины», написанная на основе романа Бальзака. Пьеса заслужила признание и популярность у зрителя. С 1852 по 1856 г. Тургеневу запретили выезжать за пределы страны, но в 1856 г., при первой же возможности, он отправился во Францию, в Париж. Мы предполагаем, что Тургенев, всегда внимательно следящий за театральной жизнью, сам успешный драматург и театральный критик, не мог не узнать тогда же об этой постановке и сложить о ней своё мнение. В любом случае сочинение Бальзака с большой долей вероятности было у него на слуху и могло побудить Тургенева, как это было в случае с «Мачехой», поразмышлять на затронутые Бальзаком темы.

Романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» отличает общая сюжетная ситуация – религиозная героиня стоит перед выбором между долгом и любовным чувством. Тургенев писал: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой – девушка, существо религиозное ...» [10, с. 283]. Героини обоих сочинений, несмотря на трудности и душевные мучения, выбирают долг, совершенствуя свою личность. Графиня де Морсоф (Анриетта) и Лиза Калитина типологически схожи: они чрезвычайно добросердечны, отзывчивы, сдержанны в проявлениях чувств, но глубоко сопереживают близким и даже случайно

встреченным людям; обе они обладают твёрдым характером и, самое главное, глубоко верующие. Характерной чертой обеих является такое качество, которое мы бы назвали «ангелоподобием»: окружающие часто сравнивают графиню де Морсоф с «ангелом», также и Лиза называется «чистым, неземным существом» [9, с. 78]. Поведение героинь основывается, прежде всего, на чувстве долга, внутреннего достоинства и любви к Богу. Лиза твёрдо верит, что «счастье зависит не от нас, а от Бога» [9, с. 140]. И об Анриетте повествователь говорит: «Она жила чувством, как святая, возносящая молитвы к Богу»¹. Для Анриетты и Лизы личная устроенность, счастье неотделимы от Божественного промысла.

Чрезвычайно важную роль в системе характеристик героинь у Бальзака и Тургенева играет их личная комната. Мы выделяем возникающий в обоих случаях образ комнаты-кельи и её хозяйки – монахини. Сравним: в «Дворянском гнезде» – «А ты, я вижу, опять прибирала свою **келейку**, – промолвила Марфа Тимофеевна» [9, с. 150]; в «Лилии долины» – «Поистине, она (комната. – А.Е.) походила на **келью** замужней монахини, исполненной святого смирения!»². Такое сравнение призвано подчеркнуть духовную стойкость и внутреннюю силу Лизы и Анриетты, поскольку их мирская жизнь оказывается особенной: обе они служат Богу всеми делами и помыслами и отчасти отрешены от мира.

В обоих романах важным оказывается образ наставницы героини, кото-

¹ «Elle vivait du sentiment mème, comme une sainte avec Dieu» [11, p. 85].

² «Noble cellule de religieuse mariée pleine de résignation sainte» [11, p. 149].

рая вдохновляет её на духовный путь. В «Дворянском гнезде» это няня Агафья Власьева, которая со временем «стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обедни, раздарила все свои хорошие платья», «пятнадцать лет провела она тихо, смиренно, степенно, ни с кем не ссорясь, всем уступая» [9, с. 110]. Лиза пошла по пути своей няни – религиозное чувство, любовь к Богу глубоко затронули её душу.

В «Лилии долины» наставницей Анриетты явилась тётушка, герцогиня де Верней, которая «принадлежала к религиозному обществу, душой которого был уроженец Турени Сен-Мартин»³. Их принципы, как отмечено в романе Бальзака, учат «принимать житейские невзгоды с неизменной кротостью квакеров, пробуждая в сердце верующих нечто вроде братской любви к ангелу-хранителю, обитающему на небесах»⁴. Квакеры были членами христианской секты, возникшей в Англии XVII в. во время Английской буржуазной революции, и проповедовали исключительно строгий образ жизни, набожность, воздержанность, смирение. Бальзак подчёркивает особую строгость верования тётушки и Анриетты. Основы учения Сен-Мартина зиждутся на неустанной молитве и чистой любви. «Перенеся жестокие испытания во время революции, герцогиня де Верней предалась под конец жизни пламенному благочестию, которое, по словам Сен-Мартина, пролило

³ «Madame de Verneuil faisait partie d'une société sainte dont l'âme était monsieur Saint-Martin, né en Touraine» [11, p. 42].

⁴ «...applique aux peines de la vie la douceur inaltérable du quaker, et ordonne le mépris de la souffrance en inspirant je ne sais quoi de maternel pour l'ange que nous portons au ciel» [11, p. 42].

и в душу её племянницы «свет небесной любви и елей духовной радости»¹. Герцогиня де Верней своим праведным поведением и добрым отношением к людям стала опорой и примером для Анриетты, которая продолжила благочестивый путь своей рано умершей родственницы.

Интересно, что для изображения подлинного чувства любви и Тургенев, и Бальзак прибегают не к комментарию и не к прямой речи героев, а к символическим деталям. Любовь находит своё выражение через изображение прекрасного, через искусство.

В «Дворянском гнезде» это звуки музыки – мелодия, сочинённая композитором Леммом, которая приводит Лаврецкого в исступление: «Сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса» [9, с. 106]. Мелодия Лемма – воплощённая в музыке эмоция самого героя. Композитор выразил идеальную сущность любви.

Также примечательно, что образ Лизы для Лаврецкого связан с запахом ладана. Религиозная составляющая образа материально, физически «прирастает» к личности. Таким образом, у Тургенева остро проявляются «зримая выпуклость образа», «ощущения запахов и ароматов», «условно-тактиль-

¹ «Rudement éprouvée par les tourmentes révolutionnaires, la duchesse de Verneuil avait pris, dans les derniers jours de sa vie, une teinte de piété passionnée qui versa dans l'âme de son enfant chéri la lumière de l'amour céleste et l'huile de la joie intérieure, pour employer les expressions mûres de Saint-Martin.» [11, p. 42–43].

ные представления о пространственно-временной организации мира» [7, с. 45].

В «Лилии долины» эмоциональные токи любви выражаются через составление букетов, в которые Феликс вкладывает всю душу и которыми часами любуется Анриетта. Букеты вызывают у героев Бальзака не случайные ассоциации с музыкой: «В оттенках лепестков и листьев заключена истинная гармония, дивная поэзия, которая чарует взгляд и, волнуя нас, словно музыка, пробуждает множество воспоминаний в сердцах тех, кто любит и любим. Разве гамма цветов не может иметь такой же смысл, как и гамма звуков?»².

Также интересно, что составление букетов Бальзак сравнивает с древним обрядом молитвы, ставит эти действия в один ряд. Занятие Феликса приобретает новые символические смыслы, переходит на более высокий уровень: «Что приносим мы в дар Богу? Запах ладана, пламя свечей и молитвы – самое чистое выражение нашей благоволейной любви. Но разве всё то, что мы предлагаем Богу, не было заключено в этой лучезарной поэме цветов, которые без усталости нашёптывали сердцу сладкозвучные слова любви, пробуждая скрытые желания, невысказанные надежды и светлые грёзы, что вспыхивают и гаснут, как светляки в тёплую весеннюю ночь?»³

² «Les couleurs et les feuillages avaient une harmonie, une poésie qui se faisait jour dans l'entendement en charmant le regard, comme les phrases musicales réveillent mille souvenirs au fond des coeurs aimants et aimés. Si la couleur est la lumière organisée, ne doit-elle pas avoir un sens comme les combinaisons de l'air ont le leur?» [11, p. 89].

³ «Que donne-t-on à Dieu ? des parfums, de la lumière et des chants, les expressions les plus

У Бальзака всё предстаёт в виде любовной игры, выполненной в языке цветов. Его сравнения букетных значений и цветовых смыслов с музыкой и молитвой, которая пропитана ладаном, – своего рода фигура речи. А у Тургенева эти знаки – ладан и музыкальные звуки – становятся живым выражением искренней эмоции. Музыка – не просто знак любви, в ней вся квинтэссенция чувств Лаврецкого, и музыка будто сама пишется его сердцем. Запах ладана говорит о молитвенной повседневности Лизы, прочно соединяясь с её образом.

Образы главных героев – Фёдора Ивановича Лаврецкого и Феликса де Ванденеса – также имеют немало общего. Перед читателем предстаёт тип замкнутого, сосредоточенного и серьёзного человека, высоко ценящего и понимающего дружбу, любовь и простое участие. Главное отличие в образах героев, как нам видится, заключается в их личностном развитии и в самом наполнении характеров. Это принципиальный аспект, который различает двух писателей, как мы считаем. Отличие даёт о себе знать и в вопросе, который касается степени влияния веры героинь на их возлюбленных. Примечательно, что у Бальзака религиозное чувство не передаётся от Анриетты к её другу. В начале романа Феликс не сетовал на свою жизнь, а делал, что мог, старался совершенствоваться и помогать более слабым. Но в конце

ïrurïes de notre nature. Eh ! bien, tout ce qu'on offre a Dieu n'ïtait-il pas offert a l'amour dans ce roïme de fleurs lumineuses qui bourdonnait incessamment ses mïlodies au coeur, en y caressant des voluptïis cachïes, des espïrances inavouïes, des illusions qui s'enflamment et s'ïteignent comme des fils de la vierge par une nuit chaude» [11, p. 90–91].

романа он утратил зарождавшуюся при дружбе с Анриеттой веру и оказался целиком во власти сомнений, не знал, как ему жить, потерял ценностные ориентиры: «Я долго размышлял о своей судьбе, спрашивая себя, что же я буду делать после того, как безжалостная смерть скосила все цветы моей души. И я решил посвятить себя политике и науке, вступить на извилистый путь честолюбия»¹. Как отмечает Л.А. Симонова, Бальзак развенчивает положительный образ героя, открывая ему путь «вниз» – «путь социального успеха, но духовного поражения, утраты внутренней сути» [8, с. 118].

Лаврецкий же, наоборот, в результате общения с Лизой и во многом под влиянием её искренней религиозности приобрёл необходимую духовную опору. И если в начале романа он не знает, как ему пережить боль, страдания от измены жены, то в конце становится очевидным, что жизненный путь для него проясняется. Герой Тургенева меняется «от сосредоточенности на себе и своём счастье-наслаждении к приятию любви-долга, любви-самопожертвования» [3, с. 365]. Человек обречён переживать вечный разлад между небесным и земным, долгом и чувством. Осознание этого дуализма является неотъемлемым свойством природы человека. И таков тургеневский Лаврецкий. Но Лиза своими простыми словами, что нужно прощать – для того, чтобы тебя простили, и любить – всех, а прежде всех «одного Бога» [9, с. 113], предлагает Лаврецкому простой и яс-

¹ «Je mïditai longuement sur moi-mkme, en me demandant ce que j'allais faire apris un coup qui fauchait toutes mes fleurs. Je rïsolus de m'ïlancer vers la politique et la science, dans les sentiers tortueux de l'ambition» [11, p. 300].

ный взгляд на, казалось бы, совсем померкшую жизнь. Лаврецкий «имел право быть довольным» [9, с. 157], он нашёл себя как личность. Не случайно последние строки романа говорят о его самоотречении, но ввиду пережитой и до сих пор важной для героя любви к Лизе, в то время как Феликс де Ванденес рассуждает о своей карьере и чувственном наслаждении.

Остановимся отдельно на метафоре «лилия долины», значимой в обоих романах. «Перед отъездом Михалевич ещё долго беседовал с Лаврецким, пророчил ему гибель, если он не очнётся, умолял его серьёзно заняться бытом своих крестьян, ставил себя в пример, говоря, что он очистился в горниле бед, – и тут же несколько раз назвал себя счастливым человеком, сравнил себя с птицей небесной, с **лилией долины...**» [9, с. 78]. Речь героя содержит немало реминисценций из Евангелия, что отмечено в комментариях к ПССиП Тургенева. Упомянутая Михалевичем лилия, несомненно, евангельский образ: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. ... И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! ... Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф, гл. VI, 26, 28–30, 32–33). Михалевич призывает Лаврецкого к простому труду и вере,

беспрестанному движению и развитию. Для него лень является самой разрушительной силой, поражающей не только тело, но и дух. Поэтому для него неотделимы друг от друга идеи «религии, прогресса и человечности» [9, с. 79]. И Михалевич пытается вселить жизнь в своего друга, встряхнуть, помочь, для чего и прибегает к евангельским образам «лилии долины» и «птиц небесных», пребывающих в благобытии, поскольку они не «маловеры», в отличие от Лаврецкого.

Бальзак даёт своему роману название «Лилия долины». В тексте постоянно повторяется эта метафора, причём также в евангельском ключе. Она вкладывается в уста повествователя и персонажей и сопутствует образу главной героини. Так обнаруживается одно из символических её значений – метафора подчёркивает душевную чистоту и непорочность Анриетты, неспособность её совершить грех, поддаться искушению. Второй смысл тесно переплетается с первым. Если вновь обратиться к Евангелию от Матфея, то становится понятно, что сравнение с лилией говорит не только о прекрасной душе, но и о сложности следованию всем христианским заповедям. «Трава полевая, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь», – говорится о непростой жизни в метафорическом смысле. И Анриетта борется каждый день за физическое здоровье своих слабых детей, за душевное равновесие своего нервного мужа, за свою чистоту и нравственную стойкость. Бог не оставляет её, и она подарком судьбы считает встречу с Феликсом, которая приносит отраду для неё и позволяет забыть обо всех невзгодах хотя бы ненадолго. «Ищите

же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» – такого завета придерживается Анриетта, это её путь, выбранный сердцем. Она старается и возлюбленному передать свои убеждения и ценности. Этот путь выбран и Лизой Калитиной, которая так же «втайне надеялась привести его (Лаврецкого. – А. Е.) к Богу» [9, с. 103].

Судьба главных героинь у Тургенева и Бальзака различна. Анриетта умирает и в разгар болезни сожалеет о былой сдержанности, о том, что оставалась верна мужу и не предалась страсти. Чувство Анриетты определяется как нравственное падение, слабость перед искушением, почти преступление перед близкими людьми. Присутствующие осуждают её естественное желание принадлежать любимому. В итоге она умирает от нервной болезни, вызванной невыносимой жизнью с мужем и ударом, который нанёс ей её единственный друг Феликс. «Скорбь заменила удар кинжала. ... Госпожа де Морсоф умирает от какого-то неведомого горя»¹.

Лиза Калитина не умирает, а уходит в монастырь, причём не столько из-за личных невзгод, сколько по внутренним причинам: это закономерный итог её глубокого религиозного чувства. Исполнение долга героиня ищет в прощении, любви и служении Богу. Лиза не порывает связи с миром, оставаясь в жизни Лаврецкого хотя и не физически рядом, но духовно.

Проблема долга и чувства, трагиче-

ское содержание образов главных героев, неразрешимость трагедийной коллизии сближают романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины», которые оба восходят к жанру классического романа-испытания. «Согласно концепции М.М. Бахтина, роман-испытание возникает на “античной почве” и в своей первой разновидности строится на “испытании любовной верности”, а во второй разновидности, восходя к именам мучеников и святых, – на испытании “страданиями и соблазнами”» [6, с. 61]. Заметим, что оба писателя воплощают идею «трагической» любви, но делают это по-разному. Герои Бальзака остаются неизменны, а любовь приносит им лишь несчастье, в то время как герои Тургенева меняются, развиваются. Как справедливо отмечает И.А. Беляева, «ни разлука, ни расстояния не способны лишить Лаврецкого и Лизу того душевно-духовного опыта, который они приобрели в чувстве» [4, с. 14]. Любовь заставляет их пробудиться и встать на новую ступень деятельного саморазвития. Бальзак хотел показать несостоятельность запретов и догм, наложенных христианским учением, а роман Тургенева, наоборот, свидетельствует о том, как они благотворно влияют на людей, если идут непосредственно из человеческого сердца, а не налагаются моральным принуждением. В этом, как нам представляется, заключается принципиальная разница в художественном воплощении схожих сюжетов и тем в романах Тургенева и Бальзака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыкова Л.А. Тургенев-читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орёл: Орловская литература и книгоиздательство, 2005. 234 с.

¹ «Le chagrin a fait l'office du poignard. Madame de Mortsauf meurt de quelque peine inconnue» [11, p. 273].

2. Бальзак О. де. Лилия долины // Собрание сочинений: В 24 т. Т. 8. Этюды о нравах. Сцены провинциальной жизни. М.: Правда, 1960. 440 с.
3. Беляева И.А. «Лишний человек» в поэтике повести и романа И.С. Тургенева // Восьмые международные Виноградовские чтения. Проблемы истории и теории литературы и фольклора. Материалы конференции 23–25 марта 2004 г. / ред.-сост. И.А. Беляева, М.Б. Лоскутникова, И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2004. 483 с.
4. Беляева И.А. Только ли «трагическое значение...»? (К вопросу о философии любви в романах Тургенева) // Спасский вестник. 2013. Вып. 21. С. 8–15.
5. Гроссман Л.П. Театр Тургенева. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1924. 176 с.
6. Евдокимова О.В. Эволюция романа-испытания в творчестве И.С. Тургенева («Дворянское гнездо» – «Дым») // Спасский вестник. 2013. Вып. 21. С. 58–65.
7. Лоскутникова М.Б. Особенности великого национального стиля И.С. Тургенева (на материале романа «Дым») // Тургеневские чтения. 2009. Вып. 4. С. 27–47.
8. Симонова Л.А. Жанровая природа романа О. де Бальзака «Лилия в долине» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 112–120.
9. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. 496 с.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. 705 с.
11. Balzac O. Le lys dans la vallée. Paris: Editions Jacques Vautrain, 1927. 306 p.

REFERENCES

1. Balykova L.A. *Turgenev-chitateľ. Po stranitsam memorial'noi biblioteki* [Turgenev as a reader. On the pages of the memorial library]. Orel, Orlovskaya literatura i knigoizdatel'stvo Publ., 2005. 234 p.
2. Balzac H. de. [The Lily of the valley]. In: *Sobranie sochinenii. T. 8. Etyudy o nravakh. Stseny provintsial'noi zhizni* [Collected works. Vol. 8. Sketches of the manners. Scenes of provincial life]. Moscow, Pravda Publ., 1960. 440 p.
3. Belyaeva I.A. [The “odd man” in the poetics of the story and novel of I. Turgenev]. In: *Vos'mye mezhdunarodnye Vinogradovskie chteniya. Problemy istorii i teorii literatury i fol'klora. Materialy konferentsii* [8th international Vinogradov's readings. Problems of history and theory of literature and folklore. The proceedings of the conference]. Moscow, MСPU Publ., 2004. 483 p.
4. Belyaeva I.A. [Is it only “tragic meaning...”? (To the question about philosophy of love in the novels of Turgenev)]. In: *Spasskii vestnik* [Spassky herald], 2013, no. 21, pp. 8–15.
5. Grossman L.P. *Teatr Turgeneva* [Turgenev's Theatre]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1924. 176 p.
6. Evdokimova O.V. [The evolution of novel-test in the works of I. Turgenev (“Noble Nest” – “The Smoke”)]. In: *Spasskii vestnik* [Spassky herald], 2013, no. 21, pp. 58–65.
7. Loskutnikova M.B. [Features of the Grand national style of I. Turgenev (based on the novel “Smoke”)]. In: *Turgenevskie chteniya* [Turgenev's readings], 2009, no. 4, pp. 27–47.
8. Simonova L.A. [The genre nature of the novel of H. de Balzac “Lily in the valley”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2014, no. 4, pp. 112–120.
9. Turgenev I.S. [Noble Nest]. In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Sochineniya: V 12 t. [Complete works and letters. Works: In 12 vol.]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 6. 496 p.

10. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Pis'ma: V 18 t. [Complete works and letters. Letters: In 18 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1987, vol. 3. 705 p.
11. Balzac O. Le lys dans la vallée. Paris, Editions Jacques Vautrain, 1927. 306 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимова Анастасия Андреевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, младший научный сотрудник ГБУК «Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева»;
e-mail: tryamromashka@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Evdokimova – postgraduate student at the Department of the Russian Literature, Moscow City Pedagogical University; junior researcher of State Budget Cultural Institution «Library-reading room of I. Turgenev»;
e-mail: tryamromashka@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евдокимова А.А. Художественный спор И.С. Тургенева с О. де Бальзаком: романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 107-115
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

FOR CITATION

Evdokimova A.A. Art dispute of I. Turgenev with H. de Balzac: novels «Noble nest» and «The lily of the valley». In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 107-115
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115